

ИСТОРИЯ «ВЛЕСОВОЙ КНИГИ» КАК ФАЛЬСИФИКАЦИИ: К ВОПРОСУ ОБ ЭТИЧЕСКОМ ФЕНОМЕНЕ ПОДЛОГА

Основанием для статьи послужило использование в ряде произведений, в том числе и по геральдике, написанных историками-непрофессионалами, «Влесовой книги» как якобы достоверного исторического источника.

В современном издательском репертуаре, книготорговом ассортименте и библиотечных фондах особое место заняли «издания-фальсификаты». Объектом фальсификации в таких изданиях являются не титульные и выходные сведения (как у обычных псевдоизданий, псевдотипов), и не публикуемые тексты, а части справочного аппарата издания (аннотация, комментарии, примечания, указатели, приложения). Также широко распространилось издание произведений, базирующихся на фальсификатах (например, «Влесовой книге», «Бояновом гимне»), принимаемых авторами этих произведений за достоверные источники.

Индустриальный характер производства и распространения вышеуказанных изданий, их пропаганда и реклама в средствах массовой информации способствуют экспансии в общественное сознание заведомо ложных фактов и псевдоисторических концепций, облаченных в наукообразную форму. Такое недопустимое в обществе явление требует комплексного осмысления в качестве историко-культурного феномена современности.

Исследование данного историко-культурного феномена требует комплексного подхода, учитывающего теоретические и практические знания, аккумулированные в ряде научных дисциплин. Историко-книговедческое исследование массива изданий «Влесовой книги» и связанных с ней произведений, показывает наличие в современном отечественном книгоиздании индустрии фальсификации исторических знаний с целью коммерческого тиражирования.

Сегодня проблема «экологического» загрязнения общественного сознания, связанного с распространением манипулятивных технологий, требует скорейшей выработки форм защиты от информационно-психологического воздействия, одним из орудий которого стало книгоиздание, а издания-фальсификаты становятся деструктивным фактором, нарушающим структуру процесса познания реальности.

Массив таких изданий, по нашему мнению, является способом существования и целенаправленного продвижения недостоверной информации в общество.

На наш взгляд, правомерно определить понятие «издания-фальсификата» как тиражное произведение, прошедшее редакционно-издательскую обработку и оформленное полиграфически, либо представленное на магнитном,

электронном и др. носителях, предназначенное для распространения содержащейся в нем подложной информации.

Для того, чтобы составить более ясное представление о проблеме, обратимся к историографии двух наиболее популярных исторических фальсификатов – «Влесовой книги» и «Боянова гимна».

Историография «Влесовой книги» весьма обширна и разнообразна, она включает любительские и научные академические исследования, разоблачительные и апологетические произведения, различные публикации и воспроизведения (научно-археографические и крайне сомнительные с профессиональной точки зрения), а также их всевозможные интерпретации и «переводы». Удивительно широка география распространения этой историографии. Велико жанровое и типовое разнообразие историографии: научные монографии и статьи, информационные материалы и периодика, полемические заметки и учебные пособия, тезисы выступлений и переводы, комментарии и письма, экспертные заключения и атрибуции. Язык историографии преимущественно русский, а также украинский и французский. Недостаточно изучен вопрос об особенностях и свойствах удивительной популярности «Влесовой книги» в разных слоях современного общества, главным образом славянского этноса или славяноговорящего населения, живущего во всем мире.

Научная историография «Влесовой книги» начинается статьей доктора филологических наук Л.П. Жуковской (1960)¹, впервые в нашей стране исследовавшей данный памятник на предмет подлинности. В результате экспертизы Л.П. Жуковская пришла к следующим выводам: на присланной для анализа фотографии изображена прорись предполагаемой дощечки на бумаге, что не позволяет датировать «дощечку» по палеографическим признакам, анализ же языка свидетельствует о фальсифицированном характере текста. «На основании анализа графики, палеографии, орфографии текста, изображенного на фотографии, было сделано заключение, что этот текст не мог быть написан в период примерно от 650 г. до н.э. до IX в. н.э., то есть до возникновения известной и поныне славянской письменности. В дощечках представлены буквы развитой кириллицы, передававшие специальные славянские звуки речи, отсутствовавшие в греческом языке...»². Если даже эта «таинственная летопись» относится ко второй половине IX в. (в ней упоминаются Рюрик, Аскольд и Дир!), то она никоим образом не влияет на решение вопроса о времени возникновения славянской азбуки, т.к. «Влесова книга» «употребляет слегка деформированные буквы кириллического алфавита»³, который в этот период уже был создан. Помимо этого, в ее тексте «есть несколько начертаний, приближающихся к другим древним алфавитам»⁴.

Позднее вопрос о подлинности «Влесовой книги» рассматривала группа ученых: академик Б.А. Рыбаков, всемирно известный археолог и историк-славист; член-корреспондент РАН В.И. Буганов, историк, специалист по изучению и изданию летописей; Л.П. Жуковская, доктор филологических наук, историк русского языка и диалектолог. По совокупности данных было сделано заключение о том, что это «явная подделка»⁵.

Вышедшая в 1990 г. монографическая статья О.В. Творогова явилась переломным этапом в научном изучении «Влесовой книги», т.к. в ней приведено подробное доказательство подложности этого произведения, но, главное, впервые в России опубликован его полный текст. Кроме того, О.В. Твороговым впервые была с исчерпывающей полнотой рассмотрена историография вопроса. По словам этого известного ученого, «на примере полемики вокруг «Влесовой книги», объявлявшейся «бесценным источником» для познания древнейшей истории нашего народа, наглядно раскрывается сам механизм создания псевдонаучной сенсации, мотивы и приемы несерьезного популяризаторства в борьбе с «официальной наукой»⁶. Им же предлагается способ противостояния проникновению подделки в общественное сознание, заключающейся в обязательном источниковедческом анализе, который непременно должен предшествовать публичному обсуждению любых открытий и гипотез в области истории культуры и гуманитарных наук.

По сведениям члена-корреспондента РАН В.П. Козлова и др. исследователей, один из первооткрывателей «памятника», Ю.П. Миролубов (Лядский) (1892-1970) в своих статьях и переписке с коллегами следующим образом представил историю обнаружения памятника⁷.

В 1919 г. полковник белой армии, в прошлом художник и археолог, Ф.А. Изенбек в разграбленной усадьбе «на курском или орловском направлении», принадлежавшей некоей княжеской семье Задонских, Донских, Донцовых или Куракиных (точной фамилии Ф.А. Изенбек, со слов которого передавал рассказ о находке Ю.П. Миролубов, не помнил), среди поломанных вещей и разорванных бумаг обнаружил разбросанные дощечки. «Дощечки» (так пишет Ю.П. Миролубов — отмечает В.П. Козлов) были побиты, поломаны, а уцелели только некоторые, и тут Ф.А. Изенбек увидел прочерченные письма. Он подобрал их и все время возил с собой, полагая, что «это какая-либо старина»⁸. В результате эмиграции Ф.А. Изенбека мешок с дощечками затем оказался в Брюсселе, где и попал на глаза Ю.П. Миролубову. В течение 15 лет, не вынося их из дома Ф.А. Изенбека, Ю.П. Миролубов, якобы «разбирал "сплошняк" архаического текста». По утверждению Ю.П. Миролубова, ему частично удалось переписать текст до того, как после смерти Ф.А. Изенбека в 1941 г. оригиналы исчезли. «Так как доски были разрознены, — пишет Ю.П. Миролубов, — да и сам Изенбек спас лишь часть их, то и текст оказался тоже разрозненным»⁹. По выражению В. П. Козлова, «копии» Ю.П. Миролубова «превратились в подлинник» и впоследствии стали достоянием общественного внимания.

В ноябре 1953 г. в журнале «Жар-птица», издававшемся русскими эмигрантами в Сан-Франциско (первоначально — ротاپринтом), была опубликована заметка «Колоссальнейшая историческая сенсация», из содержания которой можно было понять, что дощечки найдены. Либо, по крайней мере, редакция располагает фотоснимками с них. В последующих номерах появилось еще несколько противоречивых сообщений о «фото-

статах», реально опубликован был только один «фотостат» – десять строк с «дощечки № 16», которые воспроизводит в своей книге С. Лесной. Этот же снимок был прислан на экспертизу в Академию наук СССР и помещен в статье Л.П. Жуковской в журнале «Вопросы языкознания»¹⁰. По начальным словам именно этой «дощечки» памятник был назван «Влесовой книгой».

Она же обычно воспроизводится при публикации материалов на тему «Влесовой книги», хотя, как говорилось выше, фактически публиковалась фотография бумажной прориси с первоначальной дощечки или ее позднейшей копии.

«Невольно создается впечатление, что издатели вводили читателей в заблуждение: то заманивали их обещаниями продемонстрировать имеющиеся фотоснимки, то, напротив, утверждали, что их нет, они утрачены и т.д.

Не менее странно и другое: объявив о находке дощечек в ноябре 1953 года, редакция не спешит публиковать тексты»¹¹.

В течение трех лет публиковались лишь статьи А. Кура (генерала Куренкова), одного из издателей журнала, ученого-этимолога (?!), специалиста по ассирийской истории, в которых было воспроизведено всего около ста строк из «Влесовой книги». Публикации же полного текста отдельных дощечек начались лишь с марта 1957 г. и продолжались до 1959 г., когда журнал «Жар-птица» прекратил свое существование.

Публикация в «Жар-птице» текстов «дощечек» Ф.А. Изенбека осуществлялась А. Куром фактически совместно с Ю.П. Миролюбовым и сопровождалась их историческими и текстологическими комментариями, рассуждениями о готах, славянах, славянской религии и мифологии. Но, конечно, наибольший интерес вызывал публикуемый текст, непонятность которого неоднократно отмечалась и первыми его издателями, и последующими исследователями. Предпринятые переводы на современный язык обнаружили его деформированность, несвязность, наличие противоречивых, взаимоисключающих версий.

Публикация в «Жар-птице», вероятно, оставалась бы известной лишь достаточно узкому кругу читателей журнала, если бы в 1957 г. в 6 выпуске своей «Истории русов в неизвращенном виде» ученый-эмигрант С. Лесной (С.Я. Парамонов — ученый-энтомолог, специалист по систематике двукрылых — бежал в 1943 г. с фашистами из Киева и обосновался в Австралии, автор нескольких дилетантских книг по истории Руси и о «Слове о полку Игореве»¹²) не посвятил «Влесовой книге» специальный раздел¹³. С. Лесной заявил о подлинности «Влесовой книги», попытался определить ее историческое значение, на основе собственного перевода специально разобрал отрывки о Кие, Щеке, Хориве, Богумире и (по изданию А. Кура) привел упоминавшуюся выше фотографию якобы «дощечки № 16», а в действительности ее бумажной копии — прориси. Это была уже необоснованная претензия на право существования якобы открытого памятника как исторического источника. Правда, в 10 выпуске своей «Истории» С. Лесной выразил критику в адрес Ю.П. Миролюбова и А. Кура, обвинив их в

том, что они отказываются сообщить подробности о «Влесовой книге» и не позволяют ученым ознакомиться с ее полным текстом¹⁴. Одновременно С. Лесной прислал в Комитет славистов ту самую фотокопию фрагмента текста «дощечки», опубликованную в «Жар-птице» (10 строк), с просьбой дать заключение. Председатель Комитета, академик В.В. Виноградов передать фотоснимок на лингвистическую экспертизу Л.П. Жуковской, о результатах которой говорилось выше. Еще до вышеупомянутой публикации заключения Л.П. Жуковской (Вопросы языкознания. 1960. № 2), оно было направлено С. Лесному. Публикация заключения Л.П. Жуковской способствовала временному затуханию интереса к рассматриваемой подделке в нашей стране.

В то же время за рубежом обсуждение вопросов, связанных с подлинностью памятника, прежде всего благодаря работам С. Лесного, продолжалось достаточно активно. Первоначально памятник получил название «Дощечки Изенбека». Название «Влесова книга» или «Влес книга» ему дал С. Лесной, истолковав таким образом первые два слова «дощечки № 16». Позднее некоторые авторы стали именовать памятник «Влесова книга», полагая такое прочтение более правильным с точки зрения истории языка. Это название связано с именем Велеса – языческого славянского божества, известного также под именами Волос, Влас и Власий, а после принятия христианства отождествлявшегося со святым Власием Севастийским¹⁵.

Впервые о находке «Влесовой книги» стало известно из сообщения Ю.П. Миролюбова, у которого долго хранилась ее копия. От него же исследователи впервые узнали историю ее обретения и утраты. В 1963 г. он опубликовал тезисы своего предполагаемого сообщения о «Влесовой книге» на пятом международном съезде славистов, но на съезде не присутствовал и доклада не делал¹⁶. В 1964 г. С. Лесной опубликовал книгу «Русь, откуда ты?», посвятив в ней несколько десятков страниц «Влесовой книге»¹⁷. В 1966 г. С. Лесной выпускает отдельное издание, содержащее текст оригинала, перевод и комментарий, в котором полемизирует с Л.П. Жуковской, высказывая мнение о ее незнании языка «Влесовой книги»¹⁸. Последняя работа С. Лесного, по свидетельству В.П. Козлова, является одним из наиболее фундаментальных и завершенных сводов аргументов сторонников подлинности «Влесовой книги» и интерпретации ее текста, что побудило этого исследователя к ее подробному анализу.

В.П. Козлов приводит мнение С. Лесного, из которого следует, что у самого Ф.А. Изенбека не обнаруживается никаких видимых причин для фальсификации, как-то: стремления к получению материальной выгоды, славы, известности, желания подшутить над современниками. Вместе с тем С. Лесной допускает, что «дощечки» попали к Ф.А. Изенбеку уже будучи фальсификацией. Еще одно предположение сводится к тому, что «дощечки» сохранялись в родовом архиве и передавались от поколения к поколению, но никто не понимал их истинного значения и фактически о них ничего не знал, пока они не оказались в руках Ф.А. Изенбека.

Главное доказательство подлинности «дощечек» С. Лесной видит в их принципиальной непохожести на все известные в мире памятники письменности и книжности. Эту непохожесть он обнаруживает по меньшей мере в десяти признаках: нераспространенности материала памятника как носителя письменной информации, своеобразии алфавитной системы, неповторимости языка, большом объеме, наличии ряда подробностей, известных из очень редких источников. «При таких знаниях, — пишет С. Лесной, — проще быть известным исследователем, чем зачем-то неизвестным фальсификатором»¹⁹.

О подлинности, по мнению С. Лесного, говорит и ее содержание, среди особенностей которого он выделяет три:

- 1) апологетика язычества и критика христианства;
- 2) сосредоточенность повествования памятника на древнейшей истории юга Руси, «о которой мы ровно ничего не знаем», по словам С. Лесного, из других источников;
- 3) скупость, безличность рассказа, наполненного жалобами на раздоры славянских племен.

Приведенные доказательства называются С. Лесным «логическими». В.П. Козлов отмечает в них обратное — отсутствие логики: общая посылка о подлинности «Влесовой книги» в силу оригинальности ее изготовления, содержания и бытования легко опровергается равным допущением того, что фальсификатор, с целью создания большей видимости подлинности, осознанно стремился придать ей непохожесть на все известные памятники.

Только отсутствием знакомства с историей фальсификации исторических источников В.П. Козлов склонен объяснить заявление С. Лесного, что при той эрудиции, которую продемонстрировал автор «Влесовой книги», проще быть известным ученым, чем неизвестным фальсификатором. История подделок доказывает обратное: автор подлога всегда полагает, что лучше остаться неизвестным фальсификатором и быть известным первооткрывателем подлога, выдавая его за подлинный исторический источник. Невозможность, по утверждению С. Лесного, создания рассматриваемой подделки Ф.А. Изенбеком в силу слабого владения русским языком так же не выдерживает критики В.П. Козлова, поскольку базируется на плохо поддающихся проверке рассказах Ю.П. Миролюбова.

Помимо «логических» доказательств, С. Лесным приводится и одно «фактическое»: решительное отрицание в рассматриваемом тексте наличия у древних славян-русичей кумирен и человеческих жертвоприношений. По мнению С. Лесного, внимательное чтение Начальной летописи подтверждает это: летопись говорит, что человеческие жертвоприношения на Руси были заимствованы Владимиром Великим от варягов в 980 г. и существовали лишь около 10 лет. В.П. Козлов характеризует это утверждение как не соответствующее действительности.

Данная работа С. Лесного, по мнению В.П. Козлова, представляет интерес не с точки зрения доказательства подлинности «Влесовой книги», с которым она не справляется, а как образец попытки непрофессиональных

размышлений о подлогах исторических источников и доказательствах их подлинности. В ней С. Лесной продемонстрировал пример подмены накопленных наукой общепризнанных приемов критики исторических источников поверхностными и привлекательными для дилетантов рассуждениями, изначально исходящими из тезиса о безусловной подлинности исследуемого памятника и служащими пропаганде «Влесовой книги»²⁰.

После смерти С. Лесного на западе забыли о «Влесовой книге». Вторая волна интереса к этому памятнику возникла в середине 70-х гг., когда были изданы несколько выпусков серии «Влес книга». Вскоре стали известны два перевода на современный русский язык – автором одного был Лазаревич, другого – Соколов (Австралия), два перевода на украинский и один на английский. О.В. Твороговым было установлено, что серьезного анализа текста «Влесовой книги» и ее содержания за рубежом не производилось²¹.

После смерти Ю.П. Миролюбова и С. Лесного изучением «Влесовой книги» занялся украинец по национальности, эмигрант Н.Ф. Скрипник. Он выпустил серию книг «Літопис дохристиянської Русі – України» (Лондон; Гаага, 1972), в которой были воспроизведены архивы Ю.П. Миролюбова с разрешения его вдовы. Среди них было обнаружено несколько ранее не публиковавшихся копий с дощечек (не тех ли, которые сочинил сам Ю.П. Миролюбов?). Н.Ф. Скрипник решил сравнить тексты, напечатанные в «Жар-птице», присланные Ю.П. Миролюбовым А. Куру (находились в архиве А. Кура в Сан-Франциско), сохранившиеся в архиве Ю.П. Миролюбова в Аахене, а также изданные С. Лесным. Им были выявлены такие разночтения в содержании и даже количестве «дощечек», которые заставили усомниться в подлинности текстов. При проведении аналогичной работы О.В. Творогов обнаружил ряд новых важных деталей. Во-первых, до публикации текста, присланного Ю.П. Миролюбовым в «Жар-птице», текст «Влесовой книги» существовал в виде отдельных фрагментов, пронумерованных Ю.П. Миролюбовым в определенном порядке. Опубликованный текст представляет собой уже попытку расположить фрагменты в некоей хронологической последовательности, причем с пропуском ряда текстов Ю.П. Миролюбова. Во-вторых, разные фрагменты текста в «Жар-птице» опубликованы по разным правилам: здесь можно встретить передачу фрагментов текстов без разбивки на слова, попытки внести в сплошное написание текстов пробелов и, наконец, наряду со слитным написанием разделение текста на слова. Различными оказались и правила передачи орфографии памятника. Вызвали удивление исследователя и другие детали: в текстах, присланных Ю.П. Миролюбовым не были обозначены границы строк, тогда как «Жар-птица» тщательно воспроизводит их, а также систематически отмечает дефекты текстов «дощечек Изенбека» маргиналиями типа «текст сколот», «текст разрушен» и т.д., в местах, которые в тексте Ю.П. Миролюбова прекрасно читаются. Между тем сам Ю.П. Миролюбов, пересылая в октябре 1953 г. А. Куру текст, писал, что продолжает строго придерживаться копии, сделанной в 1937 г. у А. Изен-

бека. Из всего этого учеными сделан справедливый вывод о том, что А. Кур, сознательно и широко фальсифицировал текст при публикации. Однако в этом случае возникает естественный вопрос, по какой причине Ю.П. Миролубов не выразил протеста в отношении такой публикации. В 1977-1984 гг. вдова Миролубова в ФРГ издала полное собрание сочинений своего мужа (Миролубов Ю.П. Полное собрание сочинений: В 14 т. (брошюры), Мюнхен, 1977-1984), в котором как бы еще раз подтверждалась подлинность «Влесовой книги».

В 70-80-е гг. во французском городе Руайя над «Влесовой книгой» работал Б.А. Ребиндер, активно содействовавший продвижению памятника в Россию. Им была издана книга на французском языке (Rebinder Boris. Vie et religion des slaves le livre de Vles. Paris, 1980).

Ротапринтные издания своих книг на русском языке он направил в Отдел древнерусской литературы (Пушкинский дом) к Д.С. Лихачеву. Присылал он свои работы и людям, увлеченным «Влесовой книгой». Его работа активно ксерокопировалась в нашей стране неким «Союзом венедов». Фонд материалов Б.А. Ребиндера был переслан в 1986 году в Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.

В 1994 г. общество «Родина» передало в дар ОР РГБ рукопись сочинения П. Соколова «Симфония Руси. Влесова книга», автор которого утверждает, что «Влесова книга» действительно существовала, но была уничтожена Ю.П. Миролубовым или его женой в годы Второй мировой войны, но не дает достаточного обоснования этому, равно как и тому были ли гипотетические дощечки действительно древними или изготовлены в новейшее время.

О.В. Творогов, В.П. Козлов и другие ученые пришли к выводу, что Ю.П. Миролубов, по крайней мере, соглашался с исправлениями своего текста А. Куром. Возможно, речь должна идти о соавторстве в фальсификации.

Не оставляет никаких шансов О.В. Творогов сторонникам подлинности «Влесовой книги» и на основе ее лингвистического анализа. Несмотря на утверждение С. Лесного об уникальности языка памятника, очевидно, что его лексика все же славянская. В противном случае было бы просто невозможно так или иначе понимать его содержание. География «Влесовой книги» связана с территорией распространения восточно-славянских языков, что дает все основания анализировать язык памятника в соответствии с известными закономерностями развития именно славянских языков. «А этот анализ, - пишет О.В. Творогов, - приводит нас к совершенно определенному выводу: перед нами искусственный язык, причем «изобретенный» лицом, с историей славянских языков не знакомым и не сумевшим создать свою, последовательно продуманную, языковую систему»²².

О.В. Творогов выделяет несколько особенностей языка исследуемого памятника, резко расходящихся с процессами, характерными для развития различных групп славянских языков из общеславянского. Известно, что развитию славянских языков присуща утрата редуцированных гласных,

здесь же все наоборот: там, где такие гласные должны быть, они отсутствуют, в случаях же, когда гласные полного образования просто необходимы, они заменены редуцированными, как, впрочем, и в самом слове «Влес», которое дало название памятнику.

Важное наблюдение было сделано О.В. Твороговым относительно обозначения звука «е». Оказывается, в одних и тех же словах списка, пришедшего Ю.П. Миролубовым, и публикации А. Кура наличествуют взаимные замены букв, обозначающих этот звук, что можно объяснить только произвольным выбором. О.В. Творогов обнаружил в памятнике и искусственность образования ряда языковых форм, которые не могли существовать ни в одном славянском языке, и др. особенности фонетической системы «Влесовой книги», однозначно показывающие, что они были изобретены фальсификатором. Об этом же свидетельствует и целый ряд грамматических форм языка памятника: невозможные глагольные формы («бяхшехом», «грм грыщаеть», «победяте врази»), неверное управление («зовен-хом... вутце наше»), отсутствие согласования у прилагательного с определяемым им существительным («вендле троянь валу», «о седме речех») и т.д., появление современных сербских, чешских, польских, украинских слов, а не их древних вариантов.

«Иными словами, — заключает О.В. Творогов, — анализ языка «Влесовой книги» не оставляет ни малейших сомнений в том, что перед нами искусственно и крайне неумело сконструированный язык, создатель которого руководствовался, видимо, лишь одним правилом — чем больше несуразностей окажется в тексте, тем архаичнее он будет выглядеть»²³. Подобный подход нередко использовался при фальсификации исторических источников в России в более раннее время, в частности, А.И. Сулакадзевым. Ниже нами будет затронут вопрос об отношении этого фальсификатора к идее создания «Влесовой книги».

Казалось бы, после публикации работ целого ряда крупнейших историков и филологов вопрос о подлинности «Влесовой книги» можно считать окончательно закрытым, но, несмотря на убедительные доказательства поддельности «Влесовой книги» со стороны специалистов, эксплуатация этого фальсификата в качестве «бесценного» исторического источника продолжается до сих пор.

Нет ни одного серьезного специалиста, который бы рассматривал «Влесову книгу» как подлинный источник, однако же, ее публикаторы ссылаются на, якобы, положительные отзывы ученых об этом «памятнике». Это тоже является фальсификацией. Например, к сторонникам подлинности этой «книги» был причислен даже академик Б.А. Рыбаков, который работал в составе группы ученых Академии наук СССР, рассматривавшей вопрос о подлинности «Влесовой книги» и сделавшей однозначный вывод о ее поддельности.

Заведующий сектором рукописных книг Научно-исследовательского отдела рукописей Российской государственной библиотеки доктор исторических наук И.В. Левочкин, который также критически относится к «Влесо-

вой книге», но, в силу стремления к объективности и особенностей научно-го изложения, допустил некоторые модальные обороты, использованные А.И. Асовым как возможные сомнения в неподлинности «Влесовой книги», был назван в качестве рецензента изданий двух изданий этой подделки (Велесова книга. М., 1994; 1995) и сторонника ее подлинности.

Существует целый ряд примеров использования «Влесовой книги» в качестве достоверного исторического источника: это и «Праславянская письменность» Г.С. Гриневича (Т. 1. М., 1993; Т. 2. 1999), и публикации Э.И. Андрианкина и его «соратников», действующих от имени «отдела теоретических проблем РАН» (см.: Данилов В.В., Мочалова И.В. Сварожий круг. М., 1998), и поиск «реликта общечеловеческого ритуально-медитационного протоязыка» Е.В. Курдаковым («Влесова книга» как реликт русской мифологии // Русская цивилизация. М., 2000).

Появляются новые «свидетельства» в пользу подлинности «Влесовой книги», при этом делаются попытки связать ее содержание со «Словом о полку Игореве». Одна из таких попыток была предпринята дальневосточным геологом А.Е. Ковешниковым в его «исследовании» (в трех частях) под названием «Велесова книга» или «Спевы Тья», где делается попытка доказать древнее «украинское» происхождение «Влесовой книги» и ее связь со «Словом о полку Игореве» (Томск, 2001). Хотелось бы отметить, что даже если подобная связь может быть выявлена, то она объяснима, в первую очередь, знакомством фальсификатора со «Словом», которое указывалось О.В. Твороговым в качестве одного из возможных источников «Влесовой книги»²⁴.

Подобные книги и статьи стали возможны в результате ослабления этических норм в отношении изданий всякого рода «макулатурных» произведений и снижения требовательности к публикациям на научные темы, в том числе о «Влесовой книге».

В.П. Козлов рассматривает «Влесову книгу» как одно из проявлений выявленного им «синдрома Сулакадзева». Что же позволило таким известным ученым, как Л.П. Жуковская и Ф.П. Филин отнести данную подделку к «творческому наследию» этого «Хлестакова отечественной историографии»?

Л.П. Жуковская и Ф.П. Филин обнаруживают сходство орфографии, графики, грамматики, самого языка подделок А.И. Сулакадзева и текста «Влесовой книги», отмечают даже однотипные ошибки.

Возможно, ответом на вопрос об атрибуции «Влесовой книги» может служить предположение О.В. Творогова о том, что хотя создателем этой подделки был Ю.П. Миролюбов, не исключено, что он действительно видел какие-то дощечки с молитвенными текстами и псевдоязыческими прочтениями, которые ему мог показать А. Изенбек или кто-либо другой. А те дощечки, в свою очередь, могли быть изготовлены как раз известным фальсификатором А.И. Сулаказевым. Первой подделкой А.И. Сулакадзева, увидевшей свет, стала «Боянова песнь Славену», и по сей день известная как «Гимн Бояну».

Около 1807 г. фальсификатор сообщил Г.Р. Державину (1743- 1816) об имевшихся у него «новгородских рунах». Позднее он предъявил выписки из якобы найденной им «Бояновой песни Славену» («Гимна Бояну»), а также поведал о «Перуна и Велеса вещаниях» или «Произречениях новгородских жрецов».

Отрывки из «Гимна Бояну» были опубликованы Г.Р. Державиным в 1812 г. с факсимильным воспроизведением текста, вероятно, с рисованной копии, в его собственном переводе.

Уже в то время выражались серьезные сомнения в подлинности и тем более древности «Гимна Бояну».

Вот что писал в 1811-12 гг. митрополит Евгений (Болховитинов), один из авторитетнейших ученых того времени, своему другу и коллеге профессору Григорию Николаевичу Городчанинову: «Если это не подлог каких-нибудь древностилюбивых проказников, и если не ими выдуманна сия славяноруническая азбука (ею написан «Гимн Бояну» – Н. С.) и не составлена из разных северных рунических писмян, кои описывает Далин в своей шведской истории часть 1, глава VIII; то открытие сие ниспровергает общепринятое мнение, что Славяне до IX века не имели писмян» (15 января 1811 г.), хотя в другом письме Е. Болховитинов сообщает, что «большая часть верит не подложности их»²⁵. Его самого не оставляют сомнения. Так, в письме Г.Р. Державину он советует: «Славянорунный свиток и *провещания новгородских жрецов* [выделено автором] лучше снести на конец, в обозрение русских лириков. Весьма желательно, чтобы вы напечатали сполна весь сей гимн и все провещения жрецов. Это для нас любопытнее китайской поэзии? Сулакадзев или нескорю, или совсем не решится издать их, ибо ему много противоречников. А вы как сторонний и как бы мимоходом познакомите нас с сею диковинкою, хотя древность ее и очень сомнительна. Особливо не надо вам уверять читателя о принадлежности ее к I-му или V-му веку»²⁶.

А.И. Сулакадзев действительно так и не осмелился полностью опубликовать памятник, подвергнутый критике Е. Болховитиновым, и вскоре он был забыт.

Ю.М. Лотман нашел его полный список в архиве Г.Р. Державина в 60-х годах XX века. Изучая памятник, он сделал вывод, что в нем наличествует нагромождение псевдоанахронизмов, образованных от корней славянских слов, и искусственных архаизмов, что свидетельствует о понимании А.И. Сулакадзевым древности памятника как его принципиальной непонятности. Куда больший интерес представляет не «рунический» текст, а его перевод, сделанный А.И. Сулакадзевым. Как отмечает В.П. Козлов, с помощью перевода «подделка вводила в общественный оборот образец творчества реально существовавшего, но малоизвестного и загадочного исторического лица, содержала вымышленные факты его биографии, рассказывала о событиях древней истории»²⁷.

В «Книгореке» А.И. Сулакадзева под пятым номером числилось: «Патриарси. Вся вырезана на букowych досках числом 45 и довольно мелко:

Ягипа Гана смерда в Ладогe IX века о переселенцах варяжских и жрецах и писменах, в Моравию увезено». Была у А.И. Сулакадзева и другая подделка «О Китоврасе, басни и кощуны... на букoвых досках вырезано и связаны кольцами железными числом 143 доски, 5 века на словенском...» (под № 16). Вспомним, что по свидетельству Ю.П. Миролюбова, в 1919 г. видевшие доски неспециалисты отмечали их ветхость и указывали количество – 35.

Еще одну подделку А.И. Сулакадзева, содержащую имя Велеса, в 1812 г. наряду с «Гимном Бояна» переводил Г.Р. Державин. Это «Перуна и Велеса вещание в Киевских капищах жрецам Мовеславу, Древославу и прочим».

Таким образом, мы видим, что хотя Ю.П. Миролюбов, возможно, и был автором подделки, необходимо учитывать своего рода влияние А.И. Сулакадзева посредством его подделок или хотя бы «Книгорека» и «Каталога...», которые можно расценивать как своеобразный «банк идей» для фальсификаторов последующих эпох.

Возвращаясь к вопросу применимости термина «синдром Сулакадзева» к исследованиям данной подделки, хотелось бы отметить крайнюю неоднозначность рассматриваемого документа, недостаточность объективного материала для исследований, возможное наложение новейшей подделки на более раннюю.

С целью максимально аргументировать авторство Ю.П. Миролюбова применительно к подделке «Влесовой книги», В.П. Козлов вслед за Г.С. Беляковой обращается к биографии и творчеству предполагаемого фальсификатора, который оставил после себя собрание поэтических, прозаических, этнографических и исторических сочинений. Последние представляют для исследователя первостепенный интерес.

Основная область деятельности Ю.П. Миролюбова — древняя история славян, их общественное устройство, религия, мифология. В.П. Козлов приводит наиболее значительные сочинения Ю.П. Миролюбова по данной тематике: «Ригведа и язычество» (закончено в 1952 г.), «Русский языческий фольклор. Очерки быта и нравов» (закончено в 1953 г.), «Русский христианский фольклор. Православные легенды» (закончено в августе 1954 г.), «Материалы к праистории русов» (работа 1967 г.), «Славяно-русский фольклор» (работа конца 60-х гг.) и др.²⁸ В.П. Козлов отмечает в качестве характерной особенности работ Ю.П. Миролюбова «принципиальный дилетантизм» и «сознательно вызывающее игнорирование всех накопленных наукой знаний». Вопреки даже абсолютно непреложным историческим фактам, Ю.П. Миролюбов создал собственную фантастическую картину этногенеза и истории славян с целью «поворачивать всю историю». Ю.П. Миролюбов «изобретает» народ «славяно-росов», делает его «древнейшими людьми на Земле», прародину которых он обнаруживает в районе между Шумером, Ираном и Северной Индией. Он отождествляет их с древними индийцами, пишет, что религией древних «славяно-росов» являлся ведизм, долгое время сохранявшийся благодаря особой письмен-

ности, сходной с санскритом. Со временем славянское жречество «огрубело, забыло ведический язык», и «скоро уже было невозможно записать по-санскритски сказанное по-славянски». Новая языческая религия предвосхитила христианство, позже во многом оказалась созвучной ему, идеологически «совпала» с христианским вероучением.

К сожалению, некритическое использование таких подделок, как «Влесова книга» и «Боянов гимн», в качестве «произведений дохристианской литературы» имеет место и в недавно вышедшей книге архитектора А.Г. Силаева (М., 2002), который надеется на научное признание этих «памятников»²⁹.

В.П. Козлов указывает, что в основу «научных» построений Ю.П. Миролюбова положены как сомнительные источники, (среди них «Книга о князем утерпении», которую родители Ю.П. Миролюбова видели (!) в прошлом веке и виденная им до Первой мировой войны книга со славянскими «руническим надписями» (!)), так и реально существующие памятники литературы и письменности: «Слово о полку Игореве», «Задонщина», «Голубиная книга» (упоминается А.Г. Силаевым в качестве одного из непризнанных произведений дохристианской литературы наряду с подделками - «Бояновым гимном» и «Книгой Велеса»)³⁰, «Хождение Богородицы по мукам». При этом отмечается, что подавляющая часть древнерусских и древнеславянских подлинных произведений и рукописей Ю.П. Миролюбовым игнорируется.

Как нами было отмечено выше, у Ю.П. Миролюбова как бы проявляется пережиток средневекового преобладания устного предания над документом: он делает собственные наблюдения «в народе» — за жителями украинских сел Юрьевки, Антоновки, Анновки, а также рассказы няни его отца — бабки Варвары — и еще одной старушки — Захарихи. Достоверность и точность подобных рассказов он обосновывает удаленностью этих сел от городов и «железнодорожных станций».

В 1955 г. в книге «Русский христианский фольклор» Ю.П. Миролюбов упоминает о «Влесовой книге» как носителе славянской письменности, существовавшей до кириллицы. Со ссылкой на «Влесову книгу», он пишет, что такая письменность представляла собой смесь «готических, греческих и ведических знаков». Далее в характеристике дощечек Изенбека появляются новые элементы: в них имеется «общая черта, под которой написаны [тексты] каленым железом, видно, буквы слитно и без разделения на фразы»³¹.

В сочинении «Русская мифология» (1954) Ю.П. Миролюбов уже прямо откликается на вспыхнувшую вокруг «дощечек» после начала ее публикации А. Куром полемику. «Дощечки, — пишет он, — мы считаем столь же подлинным документом, как и всякий документ, относящийся к той отдаленной эпохе. То есть в нем есть и подлинное, и неподлинное. Одно — из предания, другое — от автора»³². В. П. Козлов отмечает, что вопрос о подлинности таким образом подменяется вопросом о достоверности содержания, то есть используется один из известных приемов воздействия на общественное сознание, имеющих в арсенале фальсификаторов.

Далее Ю.П. Миролюбов сделал неожиданное, на первый взгляд, заявление, о том, что содержание «дощечек» им не изучено и никаких теорий на их основании он не строит. Однако, несмотря на заявления Ю.П. Миролюбова и внешнее отсутствие у него прямых заимствований или ссылок на «Влесову книгу», именно она, по убеждению В.П. Козлова, была основным источником всех его сочинений, что нашло свое отражение прежде всего в совпадении целого ряда принципиально значимых для исторической конструкции Ю. П. Миролюбова деталей: и в сочинениях Ю.П. Миролюбова, и в тексте «Влесовой книги» имеются сюжеты о жертвоприношениях на Руси, «русичи» представлены как «внуки Дажь-Божьи», содержатся рассказы о праотце Ории, битвах «славяно-росов» с готами, кособоками, другими народами. И там, и здесь тексты наполнены общими, часто, очевидно, искусственно образованными именами и понятиями — Явь, Правь, Навь, Кустич, Листич, Травник, Стеблич, Кветич, Ягодич. В.П. Козловым отмечаются совпадения целых образных выражений, фразеологии, которые Ю.П. Миролюбов объясняет не заимствованиями из «Влесовой книги», а рассказами старушек и собственными наблюдениями. Это позволяет В.П. Козлову сделать вывод о Ю.П. Миролюбове, как авторе фальсификата. Создавая эту подделку, Ю.П. Миролюбов, по-видимому, рассчитывал использовать ее для подтверждения своих фантастических историко-этнографическим построений. Причем фальсификатор задумал изготовить не только текст, но и его «носитель» в виде дощечек, записать его на неизвестном языке и с помощью неизвестной системы письма. Такая универсальность позволяла продемонстрировать доказательство целой системы его взглядов, связанных со славянской историей. Однако при этом возникали известные трудности при легализации подлога, ибо демонстрация «дощечек» угрожала немедленным разоблачением. Чтобы избежать этого, была создана легенда о «дощечках Изенбека», которая со временем уточнялась и дополнялась противоречивыми рассказами о снятых с них фотографиях и изготовленных прорисях.

Что касается других «первооткрывателей» памятника, то сравнение текстов безусловно указывает на причастность А. Кура к фальсификации, при этом можно допустить, что он изначально не знал о неподлинности «дощечек». Относительно же С. Лесного В.П. Козлов полагает, что его вначале внешне скептическое отношение к «Влесовой книге», сменившееся затем безусловным восторженным признанием ее подлинности, выглядит ловким тактическим приемом воздействия на общественное сознание, призванным продемонстрировать, как углубленное изучение памятника привело к возникновению убеждения в его подлинности. Тон и система доказательств подлинности, изложенная в рассмотренной выше книге С. Лесного, позволяют В. П. Козлову включить его в число лиц, по крайней мере, посвященных в подлог.

На основании анализа текстов, историографии и сочинений самого Ю.П. Миролюбова, В.П. Козлов приходит к выводу о создании подделки Ю.П. Миролюбовым (при содействии А. Кура и С. Лесного) по политическим

и идеологическим мотивам, которые подтолкнули его к своеобразным историческим выводам.

В основу методологии данного подлога положен принцип неповторимости, необычности языка, графики и содержания, что избавляло автора от излишнего труда изучения действительных закономерностей развития славянских языков и письменности с целью их использования в своем издании. В то же время в глазах Ю.П. Миролюбова и его коллег это выглядело как аргумент в пользу подлинности сочинения: аналогичным приемом пользовался А.И. Сулакадзев при фабрикации своих подлогов.

Фальсификация Ю.П. Миролюбова, по мнению В.П. Козлова, может рассматриваться как классический подлог, ставший концентрированным выражением всех основных методов и приемов изготовления, легализации и защиты фальсифицированного исторического источника. Он перекликается с другим проявлением «синдрома Сулакадзева» – «Песню о Руси и о вечем Олзе» Д.И. Минаева.

При этом поражает размах фальсификации и попыток ее реанимации: объем фальсификации намного превышает объемы других подложных источников по древнерусской истории, а для ее окончательного разоблачения видному историку О.В. Творогову пришлось писать серьезный научный трактат, во много раз превышающий по объему текст самой подделки.

Можно заключить, что ажиотаж историков-непрофессионалов вокруг идеи о древнейшем первоисточнике «славяно-русах», якобы живших в незапамятные времена между Шумером и Ираном, несколько затух, если бы общественность знала, что в основе этой идеи лежат не результаты научных изысканий, а лишь фантастические умопостроения Ю.П. Миролюбова и С. Лесного, нашего соотечественника, сбежавшего во время Великой Отечественной войны на Запад, опасавшегося за свое сотрудничество с немецкими оккупантами. Понимая, что более чем сомнительная гипотеза должна иметь некое «научное» обоснование, Ю.П. Миролюбов сфабриковал «Влесову книгу», а, вероятно и придумал историю с «дощечками Изенбека», каковых в действительности, по-видимому, не существовало вообще. В свою очередь, С. Лесной постарался привлечь внимание к подделке, представляя ее в качестве подлинного исторического источника.

В советское время существовала жесткая идеологическая цензура, в функции которой входило недопущение в средства массовой информации и коммуникации заведомо ложных фактов, выдаваемых за научные. С утратой цензуры Россию захлестнула волна изданий, содержащих недостоверные сведения, которые стали проникать в учебную литературу для школьников и студентов, нанося ущерб интеллектуальной экологии страны.

Негодование научной общественности по этому поводу не достигает цели, т.к. псевдонаучные писания, особенно в области истории, получают поддержку книгоиздателей и книгораспространителей, расходясь огромными тиражами и, тем самым, принося немалую коммерческую выгоду. Данная проблема приобрела острый этический аспект, ее решение требует усилий государственного масштаба.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Жуковская Л.П. Поддельная докириллическая летопись (К вопросу о методе определения подделок) // Вопросы языкознания. 1960. № 2. С. 142-144.
- ² Жуковская Л.П., Филин Ф.П. «Влесова книга»... Почему же не Велесова? Об одной подделке // Русская речь. 1980. № 4. С. 114.
- ³ Творогов О.В. «Влесова книга» // ТОДРЛ. 1990. С. 173-174.
- ⁴ Жуковская Л.П., Филин Ф.П. Указ. соч. С. 114.
- ⁵ Там же. С. 118; подробнее см. Буганов В.И., Жуковская Л.П., Рыбаков Б.А. Мнимая «Древнейшая летопись» // Вопросы истории. 1977. № 6. С. 202-205.
- ⁶ Творогов О.В. «Влесова книга» // ТОДРЛ. 1990. Вып. 43. С. 170.
- ⁷ Козлов В.П. Обманутая, но торжествующая Клио. Подлоги письменных источников по российской истории в XX веке. М., 2001. С. 87-105. См. также вышеуказ. статью О.В. Творогова; Уханова Е.В. У истоков славянской письменности. М., 1998. С. 198-233.
- ⁸ Цит. по: Козлов В.П. Указ. соч. С. 87.
- ⁹ Там же. С. 87-88.
- ¹⁰ Жуковская Л.П. Поддельная докириллическая рукопись: (К вопросу о методе определения подделок) // Вопросы языкознания. 1960. № 2. С. 142.
- ¹¹ Творогов О.В. «Влесова книга» // ТОДРЛ. 1990. Вып. 43. С. 170-254.
- ¹² Там же. С. 170-171.
- ¹³ Лесной С. История русов в неизвращенном виде. Мюнхен, 1957. Вып. 6. С. 607-630.
- ¹⁴ Там же. Вып. 10. С. 1115-1116.
- ¹⁵ О Велесе подробнее см.: Белякова Г.С. Славянская мифология: Кн. для учащихся. М., 1995. С. 82-87; Мифология. БЭС / Редкол.: Е.М. Мелетинский (гл. ред.) 4-е изд. М., 1998. С. 120; Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2-х т. / Редкол.: С.А. Токарев (гл. ред.) М., 1994. Т. 1. А-К.. С. 227; Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995. С. 74.
- ¹⁶ По свидетельству О.В. Творогова (указ соч. С. 172), тезисы были опубликованы: Лесной С.О «Влесовой книге» // Славянская филология. София, 1963. Т. 4: Доклады, сообщения и статьи по литературознанию. С. 321-323. Данный том был подписан в печать в июне 1963 г., за три месяца до съезда.
- ¹⁷ Лесной С. Русь, откуда ты? Основные проблемы истории Древней Руси. Виннипег, 1964.
- ¹⁸ Лесной С. «Влесова книга» - языческая летопись доолеговской Руси: (История находки, текст и комментарий). Виннипег, 1966. Вып. 1. С. 20-21.
- ¹⁹ Цит. по: Козлов В.П. Указ. соч. С. 91.
- ²⁰ Козлов В.П. Указ. соч. С. 93.
- ²¹ Творогов О.В. Указ. соч. С. 172.
- ²² Там же. С. 228.
- ²³ Там же. С. 232.
- ²⁴ Творогов О.В. Что стоит за «Влесовой книгой»? // Литературная газета. 1986, 16 июля. С. 5.
- ²⁵ Письма митрополита киевского Евгения к проф. Г.Н. Городчанину // Журн. М-ва народ. Просвещения. 1857. Ч. 44. С. 14-15.
- ²⁶ Цит. по указ. кн. Козлов В.П. С. 165.
- ²⁷ Там же. С. 167-168.
- ²⁸ См. Козлов В.П. Обманутая, но торжествующая Клио. М., 2001. С. 100. См. также указ. соч. О.В. Творогова.
- ²⁹ Силаев А.Г. Истоки русской геральдики. М., 2002. С. 5.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Цит по: Творогов О.В. Указ. соч. С. 248.
- ³² Там же. С. 249.